

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 300(1)

Июль

2007

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бухарова Г.Х. Роль ритмофонетической организации текста эпоса «Урал-Батыр» в реализации его прагматической функции	7
Крюкова Л.Б. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в поэтическом тексте (на материале поэзии «серебряного века»)	13
Никонова Е.Б. Проблема взаимодействия фразеологических синонимов и антонимов	17
Разумова Н.Е., Коноваленко А.Г. Валерий Брюсов – переводчик баллад Эдгара По (статья вторая)	20
Сермягина С.С. Имплицитное и подтекст: общее и специфическое	27
Тищенко И.Е. Эволюция концепта «смелость» во французском и русском языках	31

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Богданова О.Е. Влияние эмоционального отношения студентов языкового факультета к изучению иностранного языка на успешность их когнитивного развития	34
---	----

ФИЛОСОФИЯ

Агальцев А.М. Аристотель о природе общения	39
Давыдов В.А. Особенности мировоззренческих манифестаций элит традиционных обществ	43
Жукова О.И. Современное общество и место в нем человека	47
Лазарев В.Д. Методологические основы социально-философского анализа переходного периода в развитии российского общества	51
Лазутина Т.В. Символотворчество в музыке И.С. Баха	55
Починина Н.Е. «Время цыган» как манифестация вечного мифа (современное кино и вечные архетипы)	61
Савин А.Э. Методология истории и трансцендентальная философия: постановка проблемы	64
Суханова Е.Н. Дж.Э. Мур и Б. Рассел: логика, язык, реальность	68
Широкова М.А. Об актуальности славянофильской философии	71

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Сундиева А.А. История одной декларации	74
---	----

ИСТОРИЯ

Арын Р.С. Взаимодействие государственных институтов и этнических сообществ – важнейший фактор становления государственности Республики Казахстан	79
Бикметов Р.С. Репатрианты в промышленности Кузбасса (1945–1948 гг.)	82
Данков А.Г. Британская историография второй половины XIX в. Об англо-русских противоречиях в Центральной Азии	87
Дутчак Е.Е. Христианская историко-эсхатологическая легенда и особенности ее восприятия традиционным сознанием	91
Колева Г.Ю. Стратегия развития Западно-сибирского нефтегазового комплекса (1960–1980-е гг.)	95
Котов А.С. Культ св. Варвары в Тевтонском ордена: психосоциальная идентичность братии ордена через призму анализа гендерного кода сознания	103
Селиверстов С.В. Г.Н. Потанин: сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX в.)	107
Урбан А.Н. Историографический обзор изучения проблемы «позиция консервативных правительств Великобритании (1979–1997 гг.) в отношении социальной политики Европейского Союза»	116

МАТЕМАТИКА

Емельянова Т.В., Сибиряков Г.В. Безусловно интегрируемые функции	120
Малютина А.Н., Елизарова М.А. Дифференциальные свойства отображений с s-усредненной характеристикой	124

ФИЗИКА

Попов Ф.А., Ануфриева Н.Ю. Интеллектуализация пользовательских интерфейсов информационных систем	130
Попов Ф.А., Звольский Л.С. Компьютерное моделирование процессов инженерной деятельности при создании систем промышленной автоматизации	134

ПРАВОВЕДЕНИЕ

Ахмедшина Н.В. Возникновение и развитие отечественной виктимологии	138
Бакунчев А.Г. Некоторые проблемы правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний и Криминальной милиции в борьбе с преступностью	142
Данилов Ю.Б. Правовое регулирование купли-продажи в рассрочку по российскому законодательству начала XX в.	144
Калугин А.Г. Реализация задач уголовного судопроизводства при прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям	148
Мазуров В.А. Преступность в сфере высоких технологий: понятие, общая характеристика, тенденции	151
Митюков М.А. О статусе Конституционного Суда	155
Мурышкина Т.А. Некоторые вопросы участия обвиняемых с психическими недостатками в уголовно-процессуальной деятельности ...	159
Рахвалова М.Н. Изменение и прекращение жилищных правоотношений, основанных на завещательном отказе	162
Теремецкий В.А. Методологические основы комплексного идентификационного исследования останков человека	166
Ткачева Н.В. Пределы применения уголовно-процессуального принуждения при проведении следственных действий в жилище (обыск)	169
Токарев Е.А. Юридическая конструкция залогового индоссамент в вексельном праве Российской Федерации	172
Чубраков С.В. Некоторые проблемы правового регулирования труда осужденных	176

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Бозина И.Г. Некоторые аспекты процесса социализации старших школьников в образовательном учреждении	180
Дроботун Б.Н. Логико-алгебраический подход к изучению начальных разделов теории вероятностей	184
Светлакова И.Г. Педагогические условия формирования метакогнитивных способностей студентов в процессе иноязычной подготовки в вузе	188
Тарбокова Т.В. Дидактическая система математической подготовки студентов	192
Тренькаева Н.А., Богомаз С.А. Личностные особенности молодых людей с коммуникативным типом, существенно отличающимся от их психофизиологического типа	197
Устинова Е.И. Становление предметного сознания у детей, воспитывающихся в условиях коммуникативно депривированной социальной среды.....	205
Частоколенко Я.Б. Спонтанное художественное творчество как средство актуализации творческого потенциала личности	209
Шабанов Л.В. Динамика дискурса молодежной субкультуры в коллективном и индивидуальном поле мифов российского общества	215

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Хромых В.С. Динамика ландшафтов поймы Средней Оби	223
Хромых В.В., Хромых О.В. Использование ГИС-технологий для изучения динамики долинных ландшафтов (на примере долины нижней Томи)	230

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	234
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	237

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 300(I)

July

2007

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

LITERATURE STUDIES AND LINGUISTICS

Bukharova G.H. The Role of Rhythmic and Phonetic Organization of the Text of «Ural- batur» Folk Epic in Realization of its Pragmatic	7
Kryukova L.B. Linguistic situational perceptual modeling in the poetical text (on the material of the «Silver age» poetry)	13
Nikonova E.B. The problem of interaction between phraseological synonyms and antonyms	17
Razumova N.E., Konovalenko A.G. Valery Bryusov – a translator of Edgar Poe’s ballads (Article two)	20
Sermiyagina S.S. «Implication» and «implicit»: general and specific	27
Tishchenko I.E. Evolution of the concept of «courage» in French and Russian	31

THE PROBLEMS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Bogdanova O.Y. The Influence of Students’ Emotional Attitudes towards Foreign Language Learning on their Success in Cognitive Development	34
---	----

PHILOSOPHY

Agalsev A.M. Aristotel about the nature of communication	39
Davidov V.A. Specifics of Elite’s World Outlook in the Traditional Societies	43
Chukova O. Modern society and human’ s place in it	47
Lazarev V.D. The metodological element of the social-filosofical analisis of the contemporary russian transitional society	51
Lazutina T.V. The symbolcreation in music I.S. Bach	55
Pochinina N.E. «Gipsy time» as the manifestation of eternal myth (Modern cinema and everlasting archetypes)	61
Savin A.E. Methodology of history and transcendental philosophy: setting the problem	64
Sukhanova E.N. G.E. Moore and B. Russell: logic, language, reality	68
Shirokova M.A. About an urgency of slavophile philosophy	71

CULTUROLOGY

Sundieva A.A. A declaration history	74
--	----

HISTORY

Aryn R.S. Interaction between state institutions and ethnic communities as paramount factor of state system formation of the Republic of Kazakhstan	79
Bikmetov R.S. Repatriations in industry of Kuzbass (1945–1948)	82
Dankov A.G. British historiography of the second half of the 19 th century about Anglo-Russian antagonisms in Central Asia	87
Dutchak E.E. The Christian Historic and Eschatological Legend and the Specifics of Its Reception by the Traditional Conscience	91
Koleva G.U. Strategy of development West-Siberian oil-and-gas complex (1960–1980)	95
Kotov A.S. The St. Barbara’s Cult in Teutonic order: psychosociological identity of the order brethren in the light of gender code analysis	103
Seliverstov S.V. G.N. Potanin: Siberian oblastnichestvo between «zapadnichestvo» and «evrazijsstvo» (second half XIX – beginning XX of a century)	107
Urban A.N. Historiographic review of the problem «position of the British conservative governments (1979–1997) on the social policy of the European Union»	116

MATHEMATICS

Emelianova T.V., Sibiriakov G.V. Unconditionally summed functions	120
Malutina A.N., Elizarova M.A. Differential properties of the mappings with s-average characteristic	124

PHISICS

Popov F.A., Anufrieva N.U. The intellectualization of information systems user interfaces	130
Popov F.A., Zvolzky L.S. Computer simulation of engineering processes in industrial automation systems designing	134

LEGAL

Akhmedshina N.V. Occurrence and development domestic victimology	138
Bakunchev A.G. Several problems of the legal regulation of the interaction of the operative subdivisions of the Federal service of the performance of the punishments and criminal militia in struggle against criminality	142
Danilov Y.B. Jural regulation of the purchase and sale with instalment payment according Russian law in the beginning of 20th century	144
Kalugin A.G. Implementation of criminal legal proceedings tasks when discontinuing criminal prosecution on non-rehabilitation reasons	148
Mazurov V.A. Criminality in the field of high technology: concepts, general description and tendencies	151
Mitjukov M.A. About the status of the Constitutional Court	155
Muryshkina T.A. Some questions of participation accused with mental lacks in legal proceedings	159
Rakhvalova M.N. Change and cessation of housing relations of law, based on legatum	162
Teremetskiy V.A. Methodological bases of complex identification research of remains of the person	166
Tkacheva N.V. Limits of Application of Criminal Procedure Compulsion in The Process of Conducting Investigation Actions in a Dwelling (A Search)	169
Tokarev E.A. Pledging endorsement in Russian exchange law	172
Chubrakov S.V. Some problems of legal regulation of convicts' labor	176

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Bozina I.G. Some aspect of the process of socialization of senior pupils in educational institution	180
Drobotun B.N. Logical-algebraic approach to the learning of initial sections of the theory of probabilities	184
Svetlakova I.G. Pedagogical conditions of students' metacognitive skills development during the process of language training	188
Tarbokova T.V. The didactic system of mathematical training students	192
Trenkaeva N.A., Bogomaz S.A. Personal features of the young people with the communicative type Much distinguished from their psychophysiological type	197
Ustinova E.I. Formation of the object consciousness as applied to the children in the conditions of communicatively-deprived social environment ...	205
Chastokolenko J.B. The spontaneous art creativity as means of actualization of the creative potential of the person	209
Shabanov L.V. The analysis of youth subculture in the cultural-historical field of myths and discourses of the russian society	215

SCIENCES ABOUT EARS

Khromykh V.S. Dynamics of The Middle ob floodplain landscapes	223
Khromykh V.V., Khromykh O.V. The Use of GIS for the study of valley landscapes dynamics (on the example of Tom valley)	230

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	234
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	237

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С КОММУНИКАТИВНЫМ ТИПОМ, СУЩЕСТВЕННО ОТЛИЧАЮЩИМСЯ ОТ ИХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

Обсуждается оригинальный ответ на вопрос о наличии у человека врождённого потенциала как феномена психики и о его влиянии на экзистенциальное бытие личности. Обосновывается подход, согласно которому учет индивидуальных предпосылок развития, которые отражены в феномене психофизиологического типа, будет способствовать более полному развёртыванию процесса индивидуализации, формированию более гармоничной личности.

Мыслители различных философских и психологических направлений, в том числе Р. Мэй, К. Хорни, А. Маслоу, предполагали, что у человека существует некий изначально заложенный природой потенциал, развивая который, он может достигнуть своего максимального развития и самореализации. Более того, И. Ялом утверждал, что если человек не реализует этот потенциал или даже не стремится к его реализации, то со временем начинает испытывать смутное чувство неудовлетворённости собой и жизнью, а позднее и чувство вины. Акцентируя внимание на этом психологическом феномене, О. Ранк писал, что предохраняя себя от слишком интенсивного или слишком быстрого переживания, мы чувствуем себя виноватыми из-за неиспользованной жизни, непрожитой жизни в нас.

То, что каждое человеческое существо обладает уникальным набором потенциальных возможностей, которые стремятся быть воплощёнными, как отмечает И. Ялом, – древняя идея. Четвёртый смертный грех, праздность, или леность, многими мыслителями интерпретировался как грех не делания в своей жизни того, что, как известно человеку, он может делать. Эта крайне популярная в современной психологии концепция обнаруживается в работах почти каждого современного гуманистического или экзистенциального теоретика или терапевта. Она появлялась под многими названиями («самоактуализация», «самореализация», «саморазвитие», «раскрытие потенциала», «рост»), но основополагающая идея проста: каждое человеческое существо обладает природными способностями и потенциалами и, более того, исходным знанием об этих потенциалах. Тот, кому не удаётся жить настолько полно, насколько возможно, испытывает глубокое, сильное переживание, которое я (И. Ялом) называю здесь «экзистенциальной виной».

Например, зрелые работы Карен Хорни прочно опираются на ту идею, что при благоприятных условиях человек естественным образом раскрывает свой врождённый потенциал, точно так же, как жёлудь развивается в мощное дерево. Фундаментальная работа К. Хорни «Невроз и человеческий рост» имеет подзаголовок «Устремление к самоактуализации». По её мнению, психопатология у ребёнка может возникать тогда, когда неблагоприятные обстоятельства препятствуют его развитию и осуществлению заложенного в нём потенциала. Вследствие этого ребёнок теряет образ своего «потенциального Я» и формирует другой образ – «идеальное Я», к которому направляет свою жизненную энергию. Расхождение между тем, что мы есть, и тем, чем могли бы быть, заставляет нас презирать себя, и это презрение нам приходится преодолевать всю жизнь [1].

Как можно выявить врожденный потенциал у человека? На этот вопрос представители различных психотерапевтических направлений отвечают по-разному. Попробуем и мы порассуждать на эту тему с точки зрения современной психофизиологии. Хотя на первый взгляд связь между психофизиологией и экзистенциальным бытием может показаться очень странной по многим теоретическим основаниям.

Если мы принимаем за объективную данность тот факт, что каждый человек обладает уникальным набором потенциальных возможностей, то в этом случае можно вести речь о некоей информации, которой обладает человек, но не осознаёт её, т.е. о бессознательной информации. Р. Мэй писал, что определяет бессознательное как потенциальные возможности знания и переживания, которые индивид не может или не хочет актуализировать. Любая информация нуждается в носителе, в нашем случае таким носителем служит человеческое тело, которое по большому счёту является огромным банком данных об индивидууме и лишь незначительная часть этой информации доступна человеческому сознанию. Следовательно, в нашем теле должны быть следы этой информации о потенциальных возможностях, которые заложила в нас природа, и для реализации которых мы появляемся на свет. А. Маслоу верно подметил, что эта внутренняя сущность хрупка и чувствительна, она легко уступает стереотипу и культуральному давлению... Даже будучи отрицаема, она втайне продолжает жить, непрестанно требуя актуализации... Когда базисная (природная) сущность личности отрицается или подавляется, человек заболевает, иногда явно, иногда скрыто. Какая же информация сопровождает нас всю жизнь без изменений с момента рождения? Мы имеем в виду информацию, которую можно наблюдать и измерять, причем делать это достаточно точно. Эта та информация, которая привычно интерпретируется в основном как физиологическая и медицинская (например, группа крови человека), имеющая к психологии «естественно» лишь косвенное отношение.

Тем не менее, в психологической науке уже не подлежит сомнению наличие явной связи между некоторыми психологическими феноменами, наблюдаемыми у человека, и его признаками функциональной асимметрии. Проявления этой асимметрии на телесном и на психическом уровнях описаны в многочисленных статьях психологов, психофизиологов, нейропсихологов, невропатологов и психиатров. Ими с привлечением различных методик было установлено, что при выполнении какой-либо контролирующей или регулирующей функции одно из полушарий мозга человека

является более активным (доминирующим). В частности, неравенство функциональной активности полушарий мозга сопровождается анатомической и функциональной асимметрией парных органов человека. Соответственно, существует, например, понятие ведущей руки и ведущей ноги, ведущего глаза и ведущего уха, асимметрии кожной чувствительности и т.д. Причем признаки асимметрии у разных людей могут своеобразно комбинироваться.

Вместе с тем функциональная асимметрия полушарий мозга человека проявляется и в формировании его индивидуальных особенностей восприятия и мышления, эмоционального реагирования и черт темперамента, личности и поведения, адаптации и предрасположенности к заболеваниям. Следовательно, логично было предположить, что телесные признаки асимметрии, обусловленные особенностями морфофункциональной организации полушарий мозга, могут быть определенным образом связаны и со специализацией полушарий относительно некоторых психических функций. Действительно, в пользу существования такой связи свидетельствуют многочисленные эмпирические факты [2–5].

В результате обобщения этих фактов мы предположили, что комбинации телесных признаков асимметрии (причудливые «узоры» телесных асимметрий), которыми отличаются разные типы людей, можно рассматривать в качестве своеобразного информационного кода. Используя его, по-видимому, можно расшифровать информацию о специализации полушарий мозга относительно тех психических функций, которые детерминируют врожденные, базовые характеристики психики человека. По нашему мнению, это означает, что на основе учета комбинаций телесных асимметрий человека можно делать прогноз об его «изначальном потенциале», на важность существования которого указывают экзистенциальные психологи.

Попытки согласовать между собою специфические наборы функциональных телесных асимметрий и базовые психические особенности были предприняты нами в ряде более ранних работ [6–11]. В них теоретически и экспериментально была обоснована идея о том, что природа избирательности восприятия и мышления человека в какой-то степени может быть объяснена через конструкт «базовых психических ориентаций». Эти ориентации, как мы предполагаем, являются результатом системного взаимодействия полушарий мозга, специализированных относительно психических функций.

В частности, взаимодействие полушарий мозга обуславливает ориентацию психики человека на один из двух основных полярных способов восприятия информации (восприятие конкретного или абстрактного в объектах и явлениях), а также ориентацию на один из двух полярных способов оценки воспринятого (логическая или чувственная оценка информации). Комбинируясь между собою, два способа восприятия информации и два способа ее оценки определяют существование у разных типов людей 4 типов мышления, от каждого из которых в свою очередь зависят их типические особенности деятельности и поведения. Наряду с этим взаимодействие специализированных полушарий мозга, организующих какой-либо поведенческий акт, ориентирует психическую активность либо на преобразо-

вания внешнего мира, либо внутреннего. Кроме того, взаимодействие полушарий мозга, по нашему мнению, также ориентирует психическую активность либо на достижение стабильности жизни, либо на стремление к ее динамичности.

Следует уточнить, что наличие у человека той или иной ориентации психики жестко детерминирует его мышление и поведение (они остаются вероятностными по своей природе), но определяет его предпочтения в восприятии информации и предпочтения в форме проявления собственной активности. В итоге он оказывается более чувствительным к нюансам определенного вида информации и способен более эффективно оперировать ими для достижения значимых целей и разрешения возникающих проблем. Очевидно, что с этими же предпочтениями связано формирование у человека основных его интересов в жизни.

По законам комбинаторики 4 основные психические ориентации обуславливают существование 16 возможных специфических структур психики, задающих ее базовые свойства. Соответственно этому среди людей можно выделить 16 своеобразных типов, которые мы называем базовыми или психофизиологическими. Логично предположить, что «изначальный потенциал» человека в некоторой степени связан с его типологической принадлежностью. Если развитие индивида происходит в направлении творческого совершенствования его естественных типичных способностей оперировать все более тонкими нюансами воспринимаемой информации и естественной организации собственной активности, то его шансы «найти себя в жизни» (самореализоваться) намного возрастают.

С нашей точки зрения, основные специализации полушарий мозга целесообразно характеризовать в терминах психологической типологии К. Юнга. Анализ типологической литературы, а также литературы по проблеме функциональной асимметрии мозга, позволил нам выдвинуть гипотезу о том, что левое полушарие мозга человека специализируется относительно психических функций, получивших у К. Юнга название «интуиция» и «мышление» («логика»). Причем с интуитивной функцией, с нашей точки зрения, связана ориентация психики человека на восприятие абстрактной информации, а функция мышления – с ориентацией психики на оценку воспринятого по законам логики. Преобладающая активность левого полушария мозга также определяет у человека интровертированность и ориентацию психической активности на динамичность жизни (иррациональность).

Правое полушарие у человека, как мы считаем, специализируется относительно юнговских функций «ощущение» (сенсорика) и «чувствование», с которыми, соответственно, связаны ориентация психики на восприятие конкретных свойств объектов и явлений, а также ориентация на чувственную оценку воспринятой информации. Кроме того, преобладающая активность правого полушария детерминирует экстравертированность и ориентацию психической активности на стабильность жизни (рациональность).

Таким образом, своеобразие психики и поведения каждого человека в какой-то степени определяется закономерностями взаимодействия его полушарий мозга.

Если говорить на языке теории функциональных систем П.К. Анохина, то можно предположить, что эти закономерности обуславливают, в частности, включение, последовательность активации и совместное протекание психических функций восприятия и оценки информации, которые входят в состав блока афферентного синтеза. Эти же закономерности определяют устойчивые особенности реализации психической активности в форме экстравертированности или интровертированности, а также рациональности или иррациональности, которые являются характеристиками блока эфферентного синтеза.

Например, у некоторого типа людей при возникновении какой-либо проблемы в результате взаимодействия полушарий мозга преимущественно активируются интуитивная и чувственная функции, их психическая активность имеет интровертированную направленность и стремление к динамичности жизни. Такой тип людей мы причисляем к иррациональным интуитивно-эмотивным интровертам. У другого типа людей при появлении проблемы преимущественно активируются функции «ощущение» и логика, их психическая активность оказывается экстравертированной и ориентированной на стабильность жизни. Такой тип людей принадлежит к рациональным сенсорно-логическим экстравертам. Схожим образом определяется принадлежность разных людей к другим типам, характеризующимся специфическим набором юнговских функций и, соответственно, типичными особенностями восприятия, мышления, построения субъективной картины мира и поведения.

Согласно нашим представлениям, каждый из этих 16 психофизиологических типов можно объективно диагностировать, используя в качестве критериев типичные наборы (профили) показателей функциональной асимметрии. Однако, исходя из наших рассуждений, это означает, что каждый человек имеет некий психофизиологический набор показателей функциональной асимметрии, в котором закодирована информация о «базисной, прирожденной сущности человека». Почему же она у него очень часто проявляется не в полную меру, несмотря на то, что его асимметрии остаются практически неизменными в течение всей жизни?

Мы делаем следующее предположение: утрата врожденного потенциала может происходить в основном из-за его не востребованности в условиях существования человека в конкретной социальной среде. Напротив, эта среда может предъявлять к нему требования, которые не соответствуют его биологическим особенностям. Особенно существенное влияние эти требования оказывают на развитие ребенка и подростка, мозговые процессы и психика которых отличаются высокой степенью пластичности. Например, как известно, уже в возрасте до 3 лет происходит мощное потребление ребенком информации из окружающего мира и формирование его основных индивидуальных особенностей. Окружающая среда в этот чрезвычайно сензитивный период оказывает решающее влияние на ребёнка, и он стремится максимально адаптироваться к ней, развивая в первую очередь компенсаторные реакции на ее неблагоприятные воздействия (например, в случае невротичных родителей или в случае «жесткого» воспитания). Поэтому изначальный

потенциал ребенка развивается лишь в той мере, в какой он может обеспечить соответствие ребенка требованиям среды. В существенной степени эти требования возрастают в период школьного обучения. Учитывая большое количество различных инновационных технологий, новых течений и веяний в педагогике, можно сказать, что ученик уподобляется драгоценному камню в руках ювелира, который на свой вкус и манер делает «огранку». При этом ученик выступает в роли «сырого материала», который надо довести до определённой кондиции.

Говоря иначе, ребёнка стремятся различными способами превратить в успешно социализированного члена общества (с точки зрения взрослых). Именно она (успешная социализация), как правило, выступает основным критерием правильности выбранных и используемых методов развития и обучения молодых людей. Однако процесс и результат социализации, как на это обращает внимание А.В. Мудрик, заключают в себе внутреннее противоречие, внутренний конфликт. Действительно, успешная социализация предполагает эффективную адаптацию человека в обществе, с одной стороны, а с другой – способность в определённой мере противостоять обществу и части тех жизненных коллизий, которые мешают его саморазвитию, самореализации, самоутверждению. Таким образом, считает А.В. Мудрик, можно констатировать, что в процессе социализации заложен внутренний, до конца не разрешимый конфликт между степенью адаптации личности к обществу и степенью обособления её в обществе. Другими словами, эффективная социализация предполагает определённый баланс между адаптацией в обществе и обособлением в нём [12].

Мы считаем более уместным вместо термина «обособление» использовать понятие «позиционирование» и рассматриваем его в качестве одного из самых важных критериев личностного развития. К сожалению, баланс между степенью социализации и возможностью позиционировать себя социуму трудно достижим. Очевидно, что для того чтобы быть социализированным и одновременно способным «держать собственную позицию» по отношению к социальной действительности, наряду со многим прочим необходимо иметь некоторую внутреннюю «силу» (внутренний стержень). Становление этой внутренней силы у человека, по нашему мнению, невозможно без актуализации его врожденного потенциала. При этом не вызывает сомнения тот факт, что сама возможность актуализации главным образом зависит от социальных условий и требований.

Особенно чувствительны к ним в силу ряда причин дети и подростки. Мир взрослых, как правило, предъявляет к ним достаточно жесткие требования, а вот чуткое, вдумчивое отношение к ним, как к самостоятельным личностям, встречается не так часто, как хотелось бы. Более того, иногда им даже в одиночку без участия взрослых приходится преодолевать различные жизненные проблемы.

Несоответствие между требованиями социума и структурой психических ориентаций детей с высокой степенью вероятности может создавать проблемную ситуацию их развития, способствующую развитию дисгармоничности в различных сферах личности. Отсутствие успехов в учёбе на этом фоне будет вызывать

у учащихся снижение интереса к приобретению новых знаний и к поисковой активности, а также снижение эффективности деятельности и приобретение ими особых стилей общения и поведения, которые обозначаются как «реакции компенсации». У них могут нарабатываться негибкие, фиксированные формы реагирования и развиваться дезадаптационные расстройства.

Мы предполагаем, что изначально заложенный в молодом человеке потенциал никуда не уходит, он «консервируется», не развиваясь на фоне необходимости приспособиться к требованиям социального окружения, которые оказываются более актуальными на данный момент его существования. Можно ожидать, что со временем следом об этом изначально потенциале станет смутная неудовлетворённость реальностью и ощущение того, что проживается не своя, а чужая жизнь, навязанная обстоятельствами.

В связи с этим актуальными становятся вопросы: как помочь человеку осознать свою «прирождённую сущность» и помочь ей реализоваться? Как преодолеть внутреннее противоречие между процессами социализации и индивидуализации, найти баланс между ними? Мы придерживаемся точки зрения некоторых ученых, согласно которой одно из важных направлений поиска ответов на эти вопросы находится в области изучения психофизиологических оснований психической деятельности человека.

Например, по мнению Л.Н. Собчик, эмоционально-динамический паттерн, уходящий корнями в тип высшей нервной деятельности и свойства нервной системы, играет важную роль в формировании базисных индивидуально-личностных свойств, структура которых определяется ведущей тенденцией или несколькими тенденциями, придающими индивидуальную окраску и определённую качественную специфику стилю переживаний, мышления, межличностного поведения и основной направленности и силе мотивации. Более того, формируя характер человека, ведущие тенденции эмоционально-динамического и индивидуально-личностного паттерна в известной степени ограничивают русло, в рамках которого формируются более высокие уровни личностного развития, создавая определённую избирательность и тропизм в отношении тех или иных ценностей, а также возможных вариантов и направлений социальной активности [13].

Данный тезис согласуется с нашей гипотезой о влиянии психофизиологического типа, о котором говорилось выше, на формирование некоторых особенностей индивидуального развития [14, 15]. Вместе с тем в условиях коммуникации со значимыми окружающими людьми человек в процессе жизни может приобретать устойчивые черты реагирования, мышления и поведения, которые не характерны для его психофизиологического типа, но совокупность которых указывает на его типологическую принадлежность к другому типу. В рамках наших представлений этот тип получил название «коммуникативного» и он также характеризуется в терминах типологии К. Юнга. При этом мы специально акцентируем внимание на социальной обусловленности природы данного типа, формирующегося у человека в основном в ходе его адаптации к требованиям конкретной социальной

среды. Кроме того, следует уточнить, что термин «коммуникативный» не означает, что этот тип проявляется только в процессе коммуникации. Такое предложенное нами название означает, что данный тип образовался в результате взаимодействия (коммуникации) человека со своим социальным окружением.

В противоположность этому психофизиологический тип является по своей природе биологически обусловленным, поскольку в его основе лежит специализация полушарий мозга. Формирование этого типа, как мы считаем, происходит благодаря «системному обобщению» первоначально генетически заданной системы индивидуально-биологических свойств индивида (с его изначальной метаиерархией потребностей, метапланом и метаспособом действий). Эта система, с точки зрения В.М. Русалова [16], включаясь в самые различные виды деятельности человека, постепенно трансформируется и образует, независимо от содержания самой деятельности, обобщённую и качественно новую индивидуально-устойчивую систему инвариантных свойств, но уже не биологических, а психобиологических. Мы предполагаем, что учет индивидуальных предпосылок развития, которые отражены в феномене психофизиологического типа, будет способствовать более полному развёртыванию процесса индивидуализации, формированию более гармоничной личности.

Принадлежность к психофизиологическому и коммуникативному типам может совпадать у одного человека (в этом случае уместно говорить об актуализации у него психофизиологического типа), но может существенно различаться между собой у другого человека. Степень несоответствия, «расхождения» между типами (степень «отклонения» коммуникативного типа от психофизиологического), с нашей точки зрения, будет вносить существенный вклад в психологическое своеобразие человека. Оно будет тем заметнее, чем в большей степени его социально обусловленный коммуникативный тип «отклонится» от биологически обусловленного психофизиологического типа. Степень этого отклонения для каждого человека как носителя двух различных по своей природе типов можно количественно оценить, используя специальный алгоритм ранжирования интERTипных отношений [9].

Такой способ оценки основывается на предположении, согласно которому типы, которые отличаются способами приема и оценки информации, а также способами ее реализации, можно рассматривать в качестве специфических информационных устройств. В свою очередь, в силу того что эти устройства различным образом «конструированы», информационный обмен между ними, как и в любых информационных системах, должен подчиняться определенным закономерностям. В юнговской типологии они были впервые теоретически обоснованы А. Аугустинавичюте [17, 18]. Поэтому, если мы придерживаемся точки зрения, что человек по разным критериям типобразования может одновременно принадлежать к двум различным типам, то логично рассуждать, что отношения между ними можно охарактеризовать с позиции информационного обмена. Эффективность такого обмена может иметь разную степень выраженности, вплоть до полной несовместимости информационных потоков (конфликта). Поскольку нам известны принципы «конст-

руирования» этих типов, мы способны рассчитать теоретическую эффективность информационного обмена между ними [8].

Результаты и их обсуждение

Для подтверждения нашего предположения о наличии специфических психологических эффектов, возникающих при формировании у человека коммуникативного типа, мы изучили структуру коммуникативной сферы у молодых людей с помощью теста диагностики межличностных отношений (ДМО, автор Л.Н. Собчик) [13], а также особенности их смысловой сферы, используя тест смысложизненных ориентаций (СЖО, автор Д.А. Леонтьев) [19].

В нашем исследовании участвовали студенты ($n=230$) младших курсов психологического факультета в возрасте 17–20 лет. Этот возраст связан с формированием у человека активной жизненной позиции, самоопределением, осознанием собственной значимости и становлением мировоззрения как системы взглядов на мир в целом, представлений об общих принципах и основах бытия. Считается, что мировоззрение тесно связано с решением в юности смысложизненных проблем, осознанием и осмыслением своей жизни не как цепочки случайных, разрозненных событий, а как цельного направленного процесса, имеющего преемственность и смысл [20]. Поэтому мы ожидали, что именно в этот возрастной период можно будет наиболее отчетливо наблюдать те психологические эффекты в ценностно-смысловой сфере, в основе развития которых лежит притивостояние индивидуализации и социализации.

У студентов, принявших участие в исследовании, с учетом признаков функциональной асимметрии была определена принадлежность к одному из 16 психофизиологических типов, а с использованием типологического опросника была диагностирована принадлежность к одному из 16 коммуникативных типов. Результатом такого «двойного» типирования явилась возможность сопоставить базисный и коммуникативный типы, присущие каждому из обследованных. У них, как оказалось, психофизиологический и коммуникативный типы могли совпадать или в различной степени отличаться друг от друга. Это отличие количественно оценивалось на основе ранжирования интERTипных отношений [8]. При этом более выраженная степень расхождения коммуникативного и базисного типов выражалась более высоким численным коэффициентом «отклонения», который мы рассчитали для каждого из участников исследования.

По итогам типологической диагностики нами были сформированы две группы испытуемых. В одну из них вошли испытуемые ($n=23$) с незначительной степенью «расхождения» между коммуникативным и психофизиологическим типом (коэффициент «расхождения» был равен 0 или 1 усл. ед.). Другую группу составили испытуемые ($n=28$), у которых наблюдалось существенное различие между двумя типами (коэффициент «расхождения» имел максимальные значения 12 или 13 усл. ед.). Это предположительно означает, что в данной группе личностные особенности испытуемых в большей степени обусловлены их взаимодействием с социальным окружением.

Присоединяясь к точке зрения Л.Н. Собчик (1990), согласно которой для полноты характеристики личности необходимо изучать отношение индивида к самому себе, к своему «Я» – реальному и идеальному, а также особенности межличностных отношений, включенных в сферу его микросоциума, нами была проведена статистическая обработка результатов тестирования испытуемых с помощью теста ДМО. Ее итогом явилось обнаружение значимых различий между группами испытуемых по 5, 7 и 8 октантам теста, оценивающим «покорно-застенчивый», «сотрудничающий-конвенциональный» и «ответственно-великодушный» типы взаимоотношений соответственно.

При этом по 5-му октанту показатели «Я реального» были выше во второй группе (в среднем 6,89 баллов), чем в первой (в среднем 4,66 баллов; различия между группами достоверны с $p<0,04$). Это означает, что при значительном отклонении коммуникативного типа от базового у испытуемых более выражена тенденция к проявлению таких личностных свойств, как неуверенность в себе, заниженная самооценка, гиперответственность, заметное преобладание мотивации избегания неуспеха над мотивацией достижения. Интересно, что, по данным Л.Н. Собчик, 5-й октант коррелирует со следующими особенностями личности: пассивностью, повышенной склонностью к рефлексии, подчиняемостью, неудовлетворенностью собой, склонностью винить себя во всех неудачах, пессимистической оценкой своих перспектив. Индивиды, для которых характерен «покорно-застенчивый» тип межличностных отношений, ранимы и впечатлительны, стараются избегать широких контактов и социальных ролей, в которых они могли бы привлечь внимание окружающих, в работе они исполнительны и аккуратны, повышено ответственны. Все эти черты, по нашему мнению, могут возникнуть в том случае, если в человеке доминирует потребность соответствовать требованиям окружающих, которая формируется под воздействием социального окружения, в первую очередь семьи, и которая затем становится системообразующим фактором в развитии личности человека. Если потребность соответствовать требованиям социума становится доминирующей, то, очевидно, происходит наработка определённых шаблонов поведения, позволяющих эту потребность удовлетворить, но при этом игнорируются собственные особенности, «сущностные», или сугубо индивидуальные, проистекающие из природных задатков и способностей.

Примечателен тот факт, что показатели между «Я-реальным» и «Я-идеальным» по пятому октанту в первой и второй группах испытуемых также различаются. Причём во второй группе это различие («Я реальное» – «Я идеальное») более выражено (в среднем 3,47 баллов), по сравнению с первой (в среднем 1,33 баллов; $p<0,04$). Как можно видеть, в первой группе «Я-реальное» немного превышает показатель «Я-идеальное», следовательно, испытуемых из этой группы в основном устраивает степень проявления собственных личностных черт. Напротив, во второй группе испытуемых, характеризующихся значительным отклонением коммуникативного типа от базового, неудовлетворенность собой гораздо больше, и этим испытуемым хотелось бы в значительной степени снизить проявления черт, относящихся к «покорно-застенчивому» типу.

Интересные результаты были получены нами по седьмому октанту, который характеризует «сотрудничающий – конвенциональный» тип взаимоотношений. По данным Л.Н. Собчик, индивиды, которым свойственен этот тип отношений, отличаются такими личностными характеристиками, как эмоциональная неустойчивость, высокий уровень тревожности и низкий уровень агрессивности, повышенная откликаемость на средовые воздействия, зависимость самооценки от значимых других, стремление к причастности групповым веяниям, сотрудничеству. Кроме того, им свойственны экзальтация, потребность в излиянии дружелюбия на окружающих, поиски своего признания в глазах наиболее авторитетных личностей группы, стремление найти общность с другими, восприимчивость к эмоциональному настрою группы.

В нашем исследовании статистический анализ показал, что средняя разница между «Я-реальным» и «Я-идеальным» по 7-му октанту в первой группе испытуемых имела положительное значение (1,38 баллов). Следовательно, лица, у которых коммуникативный тип незначительно отклоняется от базового, хотели бы уменьшить проявления психологических качеств, соответствующих этому октанту. Напротив, во второй группе испытуемых обнаружилось отрицательное значение разницы между «Я-реальным» и «Я-идеальным» (-1,31; $p < 0,01$). Следовательно, эти испытуемые желали увеличить степень проявления психологических характеристик «сотрудничающего – конвенционального» типа взаимоотношений.

Кроме того, нами были обнаружены статистически значимые различия между двумя группами испытуемых по средней величине разницы между показателями «Я-реальный» и «Я-идеальный» 8-го октанта теста ДМО, характеризующего «ответственно-великодушный» тип взаимоотношений. Так, в первой группе, в которую входили испытуемые с минимальной степенью «отклонения» коммуникативного типа от базисного, эта разница составила в среднем 1,35 балла. Во второй группе, образованной испытуемыми с максимальной степенью «расхождения» между типами, эта разница достигла отрицательной величины -1,90 баллов (различия между группами достоверны с $p < 0,003$). Обнаруженный факт указывает на то, что с нарастанием межтипного расхождения молодые люди испытывают все более выраженное стремление стать отзывчивыми и быть готовыми к помощи окружающим.

Исходя из этих данных, мы можем утверждать, что в случае, если развитие молодых людей сопровождается существенным изменением их типологической принадлежности, то для них характерными становятся такие личностные особенности, как желание подчеркнуть свою причастность к мнению большинства, зависимость самооценки от мнения значимых других, стремление быть «хорошим» для всех и поиск признания в глазах окружающих. При этом они испытывают неудовлетворенность своей способностью к сотрудничеству с другими людьми. Очевидно, что эти специфические личностные особенности попадают под категорию гиперсоциализации. Таким образом, значительное отклонение коммуникативного типа от базового, с нашей точки зрения, способствует формированию у человека

ценностной установки, ориентированной на конвенциональное, компромиссное поведение. Эта установка, как мы считаем, представлена в «Я-идеальном».

Напротив, если развитие молодых людей идет в направлении актуализации их индивидуальности (т.е. природосообразно), то у них отсутствует потребность в ориентации своего поведения на мнение большинства. Вместе с тем они удовлетворены своей готовностью к сотрудничеству и кооперации с другими людьми, что, вероятно, является важным условием их конгруэнтного общения с ними.

На следующем этапе статистической обработки данных нами была предпринята попытка обнаружения особенностей ценностно-смысловой сферы лиц, у которых коммуникативный тип в сильной степени отличался от их психофизиологического типа. Как оказалось, группа, образованная из таких лиц, характеризовалась низкими средними значениями по шкалам «процесс жизни» и «результативность жизни» теста СЖО (28,9 и 25,5 баллов соответственно). Эти значения достоверно ($p < 0,02$) отличались от средних величин (33,9 и 28,0 баллов соответственно) группы, сформированной испытуемыми, у которых по результатам психологического тестирования коммуникативный и базисный типы совпадали или различались минимально.

По мнению Д.А. Леонтьева [19], жизнь любого человека, поскольку она к чему-то устремлена, объективно имеет смысл, который, однако, может не осознаваться. То, что придает смысл жизни, может лежать в будущем (цели), в настоящем (чувство полноты и насыщенности жизни) и в прошлом (удовлетворенность итогами прожитой жизни). Эта структура смысловой сферы нашла отражение в содержании субшкал теста СЖО. Так, содержание шкалы «процесс жизни» по идее разработчиков теста связано с известной экзистенциальной теорией, согласно которой единственный смысл жизни состоит в том, чтобы жить. Высокие значения показателя, полученного тестируемым человеком по этой шкале, указывает на то, воспринимает ли он сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Напротив, низкие баллы отражают неудовлетворенность человека своей жизнью в настоящем. Следовательно, выявленное нами межгрупповое различие по шкале «процесс жизни» означает, что молодые люди, у которых коммуникативный тип в сильной степени отличается от их психофизиологического типа, испытывают неудовлетворенность своей жизнью в настоящем и не видят в ней смысла. Заметим, что испытываемое чувство неудовлетворенности жизнью наблюдается на фоне адекватного уровня их социальной адаптации (об этом мы судили на основе других результатов психологического тестирования). В совокупности полученные данные позволяют нам утверждать, что развитие молодых людей, в ходе которого у них формируется коммуникативный тип, в значительной степени отличающийся от их психофизиологического, может сопровождаться проявлениями таких специфических психологических эффектов, как отсутствие переживания интереса к жизни, ее эмоциональной насыщенности и наполненности смыслом. В связи с этим возникает ряд важных вопросов: что может «оживить» их жизнь в условиях данной

социальной реальности (наркотики, алкоголь, экстремизм?), где и при каких условиях они смогут почувствовать интерес к жизни?

Если мы задумаемся о будущем таких молодых людей, то следует вспомнить слова В. Франкла, который писал, что поиск человеком смысла жизни есть внешняя сторона поиска условий для пробуждения его духовности. Важность этого «пробуждения» для современного общества трудно переоценить. С другой стороны, потеря смысла жизни, по мнению В. Франкла, чревата опасностью возникновения «ноогенного невроза» – потери вкуса к жизни [21]. В качестве очевидных последствий такой потери можно рассматривать формирование у молодых людей безразличия ко всему, безынициативности и иждивенчества.

Содержание субшкалы «результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» теста СЖО отражает субъективную оценку пройденного человеком отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. Как можно заметить, такая оценка имеет негативный оттенок у лиц, которым свойственно значительное расхождение между их коммуникативным и базовым типами. Они и свое настоящее, и свое прошлое воспринимают как неинтересное и бессмысленное. В этой связи можно отметить, что достижение молодыми людьми приспособления к требованиям социального окружения в ущерб собственной индивидуальности не обогащает их жизнь значимыми событиями.

Образованные нами группы испытуемых достоверно различались и по показателю субшкалы «локус контроля-Я» теста СЖО. При этом в группе испытуемых с минимальным значением коэффициента интретипного отклонения среднее значение показателя (22,7 балла) превышало среднее значение показателя группы с максимальным коэффициентом отклонения (20,4 балла; $p < 0,04$). Следовательно, представители первой группы, у которых как мы предполагаем, психическое развитие происходит согласно их индивидуальности, в большей степени считают себя «сильной» личностью, обладающей достаточной свободой выбора для того, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Напротив, во второй группе испытуемых (у которых, по нашему мнению, формирование коммуникативного типа связано с утратой их индивидуальности) проявляется такой специфический психологический эффект, как неверие в свои силы контролировать события собственной жизни и стремление «переложить» ответственность за режиссуру собственного поведения и собственной жизни на окружающих.

Примечателен тот факт, что средние значения анализируемых нами психологических показателей не выходят за границы нормативного развития. То есть особенности личности, формирующиеся в результате минимального или максимального отклонения коммуникативного типа от психофизиологического, не являются девиациями, а представляют собой скорее «знаки» или «сигналы», позволяющие ориентироваться в специфике «внутриличностного» развития в рамках нормы.

Таким образом, сформулированные нами гипотезы о существовании связей между показателями функциональной асимметрии человека, особенностями психической специализации полушарий его мозга и природой психофизиологических и коммуникативных типов позволили обнаружить целый ряд специфических психологических эффектов, которые могут возникать у молодых людей при существенном изменении их типологической принадлежности (сниженная самооценка, ее зависимость от значимых других, стремление к причастности групповым веяниям, гиперответственность, преобладание мотивации избегания неуспеха, неудовлетворенность своей жизнью в настоящем и прошлом, неверие в свои силы контролировать события собственной жизни). Наше предположение о том, что проявление «базисной, прирожденной сущности» человека можно искать в плоскости его психофизиологических оснований, согласуется с полученными экспериментальными данными.

Действительно, связь между спецификой проявления психофизиологического типа человека и особенностями его коммуникативной и ценностно-смысловой сфер позволяет утверждать, что «потенциальные возможности знания и переживания, которые индивид не может или не хочет актуализировать...» проявляются на всех уровнях индивидуальности и оказывают значительное влияние на её формирование. В частности, ценностно-смысловая сфера, которая во многом детерминирует психическую активность человека, претерпевает серьезные изменения в сторону усиления негативного самовосприятия и негативной оценки собственной жизни. В свою очередь, это снижает возможность самоактуализации, препятствует развитию потенциальных возможностей человека, его индивидуализации. Следовательно, учитывая информацию об индивидуальных особенностях человека, которая «зашифрована» в его наборе признаков функциональной асимметрии, можно помочь человеку найти те основания для саморазвития, самоактуализации, которые приведут его к внутреннему балансу и согласию с самим собой.

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что любые факты могут интерпретироваться по-разному в зависимости от тех ценностных оснований, на которых стоит исследователь того или иного феномена. Мы предприняли попытку проинтерпретировать факты, обнаруженные в ходе нашего исследования, с точки зрения экзистенциально-гуманистической психологии. При этом мы вполне отдаём себе отчет в том, что это лишь субъективная попытка, отражающая наш личный опыт. С другой стороны, наша исследовательская позиция основывается на фундаментальном представлении о целостности человека, пронизывающей все аспекты его бытия. Поэтому сочетание в нашем исследовании психофизиологических и экзистенциальных подходов отражает наше стремление выйти на междисциплинарный уровень изучения личности и предложить к обсуждению оригинальный ответ на вопрос о наличии у человека врождённого потенциала как феномена психики и о его влиянии на экзистенциальное бытие личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия. М., 2000. 557 с.
2. Аршавский В.В., Ротенберг В.С. Почему в гадком утёнке мы не видим прекрасного лебедя. Межполушарная асимметрия и некоторые проблемы педагогики // *Alter ego*. 1991. № 2. С. 21–26.
3. Аршавский В.В., Ротенберг В.С. Право на «правополушарный» образ мыслей // *Человек*. 1991. № 4. С. 443–446.
4. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. М., 1981. 288 с.
5. Кураев Т.А. и др. Физиология ЦНС: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 2000. 384 с.
6. Богомаз С.А., Исаева Т.М. К проблеме поиска объективных критериев деления людей на типы в типологии Юнга // *Сибирский психологический журнал*. 1996. № 3. С. 16–20.
7. Богомаз С.А. Билатеральная модель структуры психики: Автореф. дис. д-ра психол. наук. Томск, 1999. 48 с.
8. Богомаз С.А. Психологические типы К. Юнга, психофизиологические типы и интертипные отношения. Томск, 2000. 71 с.
9. Богомаз С.А. К проблеме статистической верификации концепции интертипных отношений // *Личность и общество: Актуальные проблемы современной психологии: Матер. Всерос. симп. Кострома, 2000*. С. 48–49.
10. Богомаз С.А. Типологические особенности мотивации, обусловленные специализацией полушарий мозга // *Современная психология: состояние и перспективы*. М., 2002. Т. 1. С. 187–190.
11. Богомаз С.А., Тренькаева Н.А. Проблема смыслов сквозь призму типологического подхода // 2-я Всерос. науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии: Матер. сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 97–99.
12. Мудрик А.В. Общение в процессе воспитания. М., 2001. 318 с.
13. Собчик Л.Н. Диагностика межличностных отношений: Метод. руководство. М., 1990. 45 с.
14. Тренькаева Н.А., Богомаз С.А. Типологические особенности влияния степени развития интеллекта школьников на уровень их тревожности // *Сибирский психологический журнал*. 2000. № 13. С. 20–21.
15. Тренькаева Н.А., Богомаз С.А. Особенности структуры интеллекта школьников, проявляющиеся при их природонесообразном развитии // *Дифференциальная психология: проблемы и перспективы: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (27–28 июня 2002 г.)*. Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2002. С. 326–334.
16. Русалов В.М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности: Метод. пособие. М., 1997. 42 с.
17. Аугустинавичюте А. Теория интертипных отношений // Отдел рукописей библиотеки Литовской АН. Вильнюс, 1982. 116 с. (Рукопись).
18. Аугустинавичюте А. Дуальная природа человека // Отдел рукописей библиотеки Литовской АН. Вильнюс, 1983. 77 с. (Рукопись).
19. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: СМЫСЛ, 1992. 16 с.
20. Сапогова Е.Е. Психология развития человека: Учеб. пособие. М., 2001. 457 с.
21. Каширский Д.В. Мотивационно-потребностная сфера подростков с психологическими проблемами // *Вопросы психологии*. 2002. № 1. С. 32–38.

Статья поступила в редакцию журнала 11 декабря 2006 г., принята к печати 18 декабря 2006 г.